

Вег. Москва. — 1998. — 11 авг. — с. 6

И Ойстрах

Борис ШТРИХ

Интродукция

Поскольку автор этих строк с детства питает слабость к классической музыке, неудивительно, что среди множества персонажей нашумевшей по весне книги Андрея Кончаловского «Низкие истины» — первой части автобиографической дилогии — его особое внимание привлёк композитор Вячеслав Овчинников. Дворец, в котором он обитает, расположен хоть и не в любовно описанном Андреем Сергеевичем Беверли-Хиллз, но тоже в достаточно удобном и, по московским меркам, престижном месте: рядом метро — что кольцевая станция, что радиальная. Из окон потрясающий вид на море — людское, с суточными и сезонными приливами и отливами вокзальной толпы. Конечно, можно нафантазировать себе аналогию с тихоокеанским побережьем: гудки (теплоходов), свистки (боцманов), шум (прибоя), гам (чаек). Но иерихонские трубы вокзальных объявлений обитателям калифорнийского рая вряд ли пригрезятся и в самом кошмарном сне. Отчасти из-за этих сумасшедших децибел, но преимущественно из-за давней склонности к «совиному» образу жизни композитор работает по ночам. И после трудов праведных ему приятно на балконе предвосхищать зари восход. Внизу хрипят электрокони, и искра под дугой бьет. А ведь далеко не каждому творческому работнику, даже обитающему вдали от шума городского, дым Отечества и сладок, и приятен. Так что можно не сомневаться: если выносишь дорогу железную, вынесешь все, что господь ни пошлет.

Но довольно грустной лирики. Не угодно ли в качестве запоздалого эпиграфа цитату из бестселлера А. С. Кончаловского:

«Слава — человек огромного таланта. Его музыка к «Иванову детству», к «Дворянскому гнезду», к «Андрею Рублеву» пронзительна наотмашь. Он вообще романтический художник — редкое для нашего времени качество. У него нет заимствованного у кого-либо стиля, он весь соткан из русской и европейской культуры. Очень интересные, самобытные его фортепьянные и скрипичные концерты. Мировая культура себя обрадывает, недооценивая музыку замечательного Славы Овчинникова. Он к тому же изумительный дирижер... Человек он темперамента невероятного и замечательной нежности».

Экспозиция

Славу в 50-м году по наказу Давида Ойстраха привез в Москву его ученик и консерваторский ассистент Володар Бронин. Наш герой в ту пору был скрипачом-вундеркиндом, хотя из-за войны начал учиться музыке поздно. Вернувшись в город после эвакуации, Слава в общеобразовательной школе учился, как все дети, а в музыкальной пришлось из третьего класса переходить в пятый, из пятого — в седьмой. В Воронеж наезжали столичные знаменитости: Эмиль Гилельс, Буся Гольдштейн, Игорь Безродный, Татьяна Николаева, и, как водится, всем им показывали одаренных детишек, в том числе и скрипача Овчинникова. Мальчик не только хорошо играл, но и сочинял музыку (мазурка на балу в Вильно в 3-й серии «Войны и мира» — его детское произведение). Именитые гости советовали отправить Славу в Москву. Пока тот был мал, родители не решались на подобный шаг. Но когда Ойстрах услышал в исполнении юного виртуоза концерт Мендельсона, то заявил: «Ему здесь больше делать

Вячеслав Овчинников

нечего». Семейная крепость пала, и родители сдали уже 14-летнего чадо на милость «соблазнитель».

Естественно, Давид Великий видел Славу скрипачом. Но другие, особенно Бронин, склонили к выбору композиторского факультета. За право обладания юным талантом боролись два учебных заведения. В Гнесинское училище предлагали сразу на второй курс без экзаменов. Однако ради высокой чести попасть в училище имени Чайковского, своего любимого композитора, он предпочел пройти через тернии конкурса в 20 человек на место. Славу путеводной звездой вели слова Бронина: «Ты обязательно будешь великим композитором, поэтому должен обучаться игре на рояле. На скрипке все, что есть трудного, ты уже сыграл». В этом известном всей музыкальной общественности училище при консерватории, что в Мерзляковском переулке, Вячеслав Овчинников, в воронежской школе имевший дело с «обязательным» роялем, за четыре года овладел инструментом настолько, что окончил училище 1-м Концертом Рахманинова. Там же он подружился и с Андреем (для родных и друзей — Андроном) Кончаловским.

Несмотря на очевидные успехи Вячеслава как композитора и исполнителя, училищное руководство коварно дало ему подписать на правление в консерваторию без указания города. Московский вариант представлялся Овчинникову делом решенным, но оказалось, что солнечная Туркмения прямо таки сгорает от нетерпения заключить его в жаркие объятия. Такой неожиданный реприманд случился из-за упорного нежелания молодого

Музыка пронзительна наотмашь

композитора следовать в творческом поиске курсом тогдашних корифеев советской школы. Славе гораздо ближе были, с одной стороны, предначертания Глинки, Чайковского и Рахманинова, с другой — изыски Стравинского. Дебюсси и Равеля (второе трио было тогда чуть ли не под запретом). Вячеслава перспектива путешествия в край арыков и барханов не увлекла. Упрости послушать его известного своей отзывчивостью секретаря Союза композиторов Тихона Хренникова, Овчинников целый день потчевал «всесоюзного старосту от композиции» своей музыкой. После чего Тихон Николаевич, размякший и растроганный, смахнув слезу, вручил ему рекомендательное письмо к ректору консерватории (разумеется, Московской) А. В. Свешникову. Любопытнейший юноша на пару с надежным товарищем вскрыли конверт (не ознакомьтесь с содержанием было бы непозволительно хотя бы с точки зрения истории музыки!). На листке было выведено: «Податель сего обладает гениальными композиторскими способностями». По прочтении послание было столь же аккурратно запечатано и передано адресату. Караван в Ашхабад ушел без Овчинникова: Московская кон-

в путь благословил

серватория приняла его документы, а следом и его самого.

**Раз работка,
два работка**

Незадолго до окончания консерватории Овчинников завоевал право написать музыку к киноопере Сергея Бондарчука «Война и мир», обойдя весь сонм признанных мэтров. Славу представили Бондарчуку в доме Михалковых-Кончаловских, но режиссер взял будущего своего сотрудника на заметку еще за два года до личного знакомства, прослушав его 1-ю Симфонию под управлением выдающегося дирижера А. Гаука.

К моменту этой победы Овчинников был далеко не дебютантом в кинематографе. Хотя во времена его студенчества композитор, работающий в кино, — это был чуть ли не нонсенс! Однако Вячеслав Александрович, презрев предрассудки, отдал кино много сил и времени. Он полагает, что даже слишком много: «Я пересидел в кинематографе лишних лет 20. Могло бы быть не 40 фильмов, а вдвое меньше — вполне достаточно. Но, к примеру, постановление Госкино о написании музыки для трех картин Александра Довженко, которые в списке всех времен и народов, — «Земля», «Арсенал», «Звенигора» — было предположением, которое нельзя отклонить. Эти немые картины Довженко — его шедевры. Теперь в них к изображению добавилась моя музыка — и больше ничего, даже шумов нет. Бондарчук сказал: «Это музыка на уровне Довженко, она дала этим картинам новую жизнь».

Первый фильм Овчинникова,

нематографу — мы никогда с ним об этом не говорили.) Как следствие у Андрона появился новый круг общения, в котором естественным образом оказался и я.

Естественно, Вячеслава захотели тут же «привлечь» по музыкальной части. Однако у него открылся новый дар: прорезался голос, драматический баритон. Молодому человеку прочили мировую карьеру. Дело было за малым: требовалось избавиться от хронического тонзиллита. Результат операции, сделанной хирургическим авторитетом по большому благу, превзошел самые смелые ожидания... Славиных недругов. Виртуоз скальпеля вытащил из «золотого горла» все, с корнями и дужками, не осталось ни тембра, ни диапазона. Несостоявшийся Баттистини засел за хоровую симфонию. Но в тот момент Кончаловский заканчивал дипломную работу «Мальчик и голубь», Тарковский — «Каток и скрипку». Они буквально на коленях умоляли друга написать музыку к их творениям. И Вячеслав, питая нежные чувства к обоим, конечно же, согласился. Андрон был ему за брата. А Тарковский, жесткий и требовательный к людям, Славу, по его словам, всегда боготворил и считал, что после Баха есть только Овчинников.

Бондарчук, Кончаловский, Тарковский знали, что не всю музыку Овчинников пишет для них специально, а частью берет — из сюит, оперы, других своих вещей. Ведь важно не только, какова музыка. Еще важнее, как ею распорядиться, и он, придя в кино, дал себе труд поучиться этому серьезно. В первых фильмах сам играл на электрооргане. Потом дирижиро-

сдал готовую оперу под названием «На заре туманной юности» в Министерство культуры. Потом все произошло, «как в кино». «Получив деньги, укатил их прогуливать в Ялту, — вспоминает композитор. — А приехав, обнаружил в квартире практически обрушившуюся стену. Наверху протекла крыша, и десять дней все эти осадки текли в мою квартиру, на плотно придвинутый именно к этой злуполучной — картонной внутри — стене стол с клавиром, партитурой, либретто. Никаких копий не было. И опера погибла. Там эта мелодия появилась еще раньше, чем в кинематографе».

Как она попала в фильм Кончаловского? Овчинников, работая в Югославии над фильмом «Битва на Неретве», получил от него письма: «Когда же мы начнем? Куда поедем?». Конечно, для режиссера это была большая удача: после резкой критики Госкино и разнокалиберных идеологов в адрес «Рублева» и «Первого учителя», запрета «Аси Клячиной» ему разрешили снимать «Дворянское гнездо».

По возвращении Овчинникова из Югославии друзья приняли за работу. И случилось так, что понадобился романс. А к тому времени «Ивы» уже были испробованы композитором в «Войне и мире». Яркий, выразительный музыкальный кусок, занявший всего 30 секунд в сцене гадания перед зеркалом (пел хор Большого театра) и в «Гнезде» оказался очень кстати.

Когда на коллегии Министерства культуры принимали «На заре туманной юности», то там было человек тридцать композиторов. И даже те, чьи симпатии к Овчинникову были весьма ограничены, согласились, что это хорошая вещь для Большого. А потом произошла эта трагическая история. Но мелодия осталась. Стихи, написанные Натальей Петровной Кончаловской, легли на музыку идеально.

Дальше история такова: период шока, когда Вячеслав Александрович почти не сочинял музыку, длился три года. А потом его как-то встретила дама из закупочной комиссии союзного Министерства культуры: «Что вы сейчас делаете?» — «Все переживаю свою драму. Не писать совсем не могу, но глобального ничего нет. Сделал две картины для Жалаявичуса, две для Бондарчука, а больше никому ничего». — «Давайте оформим новый договор». — «Так я же получил все деньги». — «А это другое министерство. То было РСФСР, а это СССР».

Контракт заключили. Овчинников написал либретто сам, поскольку автор прежнего, Лариса Васильева, была очень загружена. Вячеслав Александрович шутит: «Склонностью к графоманству не обделен». Хотя его стихи нравились не только друзьям и поклонникам, но и профессиональным литераторам, которые когда-то хотели их опубликовать, да автор воспротивился. «Слава богу, не напечатали — сейчас бы мне было стыдно», — Овчинников необычайно строг к своим творениям. Достаточно упомянуть, что из восьми симфоний он оставил «в живых» ровно половину...

В новый вариант либретто вошло много произведений Кольцова, сохранился и ряд превосходных стихов Ларисы Васильевой. Предстоит переписать еще две сцены. Композитор надеется, что премьера восстановленной оперы состоится в ближайшие годы. Дай бог!

«Телеграмма», вышел в 1956-м. Вячеслав Александрович жил тогда подобно предтече Михайле Ломоносову: «На полкопейки хлеба, на полкопейки квасу», поскольку все деньги, заработанные сочинением «докиношной» музыки, отсылал родным в Воронеж. После успеха его музыки в «Телеграмме» главный музыкальный редактор «Мосфильма» Николай Крюков пошутил: «Этот молодой человек так талантлив, что нам ничего не останется. Мы не будем его больше приглашать». Доля правды в шутке оказалась столь велика, что они фактически совпали. Но Вячеслава не впа в уныние, а переключился на музыку для журнала «Новости дня» и другой хроники, оставаясь безмянным. Это его вполне устраивало, так как работать для кино по-прежнему считалось дурным тоном.

— И до каких пор вы оставались «безмянным» слугой кинематографа?

— Когда выяснилось, что меня больше не приглашают, хотя дебют был признан успешным, то как раз в это время у Кончаловского, с которым я был очень дружен, произошел судьбоносный перелом. Он решил бросить музыку и посвятить себя кинематографу. (Почему ки-

вал, заведовал уже всей музыкальной частью. У Вячеслава Александровича была своя монтажная, свой вариант картины, свой монтажер. Режиссер работал в своем помещении, а он «подкладывал» музыку в своем, создавая свой звуковой вариант картины.

**«Ты взойди,
моя заря»**

Романс из «Дворянского гнезда», своим грустным очарованием покоривший сердца зрителей, — музыка из оперы Овчинникова, которую он пишет уже давно. Сюжет — история трагической жизни поэта Алексея Кольцова, его земляка, сначала был предложен Георгию Свиридову чуть ли не Воронежским обкомом партии. А мэтр ответил: «Это только Овчинников может сделать, больше никто». Сначала, правда, Вячеслав Александрович обиделся, что земляки обратились не к нему. Но обида быстро улетучилась, а работа захватила целиком. Десять лет назад он